

Дмитрий Алексеев: «К будущему классики я отношусь со сдержанным оптимизмом» | Dmitriy Alekseev: «I Refer to the Future of Classical Music with Restrained Optimism»

Auteur: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 21.11.2012.

Дмитрий Алексеев в Женевской консерватории (© Nasha Gazeta.ch)

В составе жюри завершившегося в прошлые выходные 67-го международного конкурса был и российский музыкант. Мы встретились с Дмитрием Константиновичем

в отеле Mandarin Oriental пасмурным женевским утром и поговорили о классике и вообще.

|
A Russian musician was among the members of the jury of the 67th International Musical Competition. We met Dmitry Alekseev at Mandarin Oriental to talk about classics.
Dmitriy Alekseev: «I Refer to the Future of Classical Music with Restrained Optimism»

Наша Газета.ch: Дмитрий Константинович, можно ли вообще в наш век глобализации пользоваться понятием «русский музыкант»? Не утратило ли оно смысла?

Дмитрий Алексеев: Действительно, это понятие стало, с формальной точки зрения, довольно размытым – мне странно читать про себя, что я английский пианист. Можно ли считать человека представителем русской музыкальной школы просто по факту его рождения, даже если учился он за рубежом? Это очень трудный вопрос. И все же его нельзя совсем сбрасывать со счетов. Нередко случается, что слушая даже совершенно незнакомого мне музыканта, я узнаю в нем своего, слышу что-то знакомое, мне близкое, узнаваемое.

А как это происходит? По каким отличительным признакам?

Это очень трудно описать словами. Какие-то признаки русского пианизма. По крайней мере, того хорошего, что я отношу к русской школе.

А что Вы имеете в виду?

Наверное, я буду говорить профессионально, это не всем интересно...

Интересно! У нас подготовленная аудитория.

Дело в том, так исторически сложилось, что именно в России были заложены основы замечательной педагогики - фортепиано, скрипки и вообще инструментальной. Если говорить о пианистах, то действительно, большая часть великих и величайших музыкантов этой специальности во второй половине 19 века и в веке 20-м вышли из России или были близки российской музыкальной школе. Отсчет этих имен ведется с Антона Рубинштейна.

В советское время удалось сохранить все, что было хорошего в системе выявления талантов и их профессиональной подготовки, созданной еще до революции. Была построена такая пирамида, действовавшая по всей стране: из местных музыкальных школ способные ребята направлялись в специализированные (а такие были почти в каждом большом городе), оттуда – в региональные, республиканские, а уж лучшие из лучших попадали в московские ЦМШ и школу имени Гнесиных. Именно эти два учебных заведения в течение нескольких поколений «поставляли» цвет советско-российской классической музыки.

Сегодня эта ситуация изменилась? И ЦМШ, и Гнесинка существуют, но сохраняется ли в них столь же высокая планка?

Я только недавно, в конце сентября, был в Москве. Заходил в ЦМШ, в мою старую школу, провел там мастер-класс и небольшой концерт, так что я имею

представление. Мне кажется, что уровень образования все-таки очень профессиональный, хотя он и не так высок, как раньше. Это объясняется разными причинами, и не только и не столько финансовыми.

А какими?

Произошла смена поколений. И касается это не только ЦМШ, но и Консерватории. Когда я учился – а прошло уже почти 50 лет! – там преподавали действительно крупнейшие музыканты, цвет русской музыки, оставившие след в мировой культуре. Никто не мог тогда выезжать на Запад, поэтому они может быть менее известны, но это были великие люди. И мы успели с этим частично соприкоснуться.

Почему, на Ваш взгляд, на смену старому поколению не пришло равноценное новое?

Честно говоря, я не вижу среди молодого и среднего поколений людей такого же уровня таланта и масштаба, как Гольденвейзер, Нейгауз, Фейнберг и многие другие.

И все же – почему? Слишком много отвлекающих моментов?

Вероятно.

Вы думаете, «добрые старые времена» ушли безвозвратно?

У меня осторожный оптимизм по отношению к музыкальному образованию в Россию. Все не так хорошо, как раньше, но надежда еще есть.

Давайте все же вернемся к сегодняшнему дню и поговорим про конкурс, в работе жюри которого Вы согласились принять участие. Вы учились у Дмитрия Башкирова, который в интервью Нашей Газете.ch критически высказывался о конкурсах вообще и о влиянии, оказываемом ими на молодых музыкантов. Разделяете ли Вы такую точку зрения?

Во многом я с ним соглашусь, ведь любой конкурс это, прежде всего, все-таки спортивное состязание, и не всегда побеждает лучший. Не всегда по результатам конкурса можно судить о реальной ценности того или иного музыканта. Но я бы не стал совсем скидывать конкурсы со счетов. Они могут много дать, и не только в плане первого толчка для карьеры, который иногда происходит, а иногда нет.

Для выступления на конкурсе необходима способность полностью сконцентрироваться и выложить все лучшее, что умеешь, за краткое конкурсное время. А ведь эти качества нужны и на концертах. То есть это может послужить очень хорошей подготовкой к будущей концертной деятельности.

При всех негативных сторонах конкурсы дали много знаменитых имен, и справедливо знаменитых – их список бесконечен.

Вы думаете, без конкурсов эти имена не стали бы знаменитыми?

Трудно сказать. Вот, например, Ван Клиберн. Именно конкурс Чайковского вывел его на мировую орбиту. Не думаю, что он бы там оказался, не случись с ним московская

весна 1958 года. В то время по стечению обстоятельств он был гениален – на несколько лет, по крайней мере.

В прошлом году Вы были в жюри Конкурса Чайковского в Москве, сейчас – в Женеве. Можно ли сравнивать два эти конкурса или они в совсем разных весовых категориях?

Нет, сравнивать нельзя – они очень разные по атмосфере, составу жюри, по программе.

Конкурс в Женеве не такой уж и маленький, он один из старейших в Европе и вполне уважаемый. Я очень люблю Женеву, бывал здесь много раз и с удовольствием согласился на приглашение.

Вам интересно наблюдать за появляющимися молодыми пианистами?

Да, знаете, я ведь до последнего времени преподаванием не занимался, хотя Д.А. Башкиров всячески меня уговаривал. Начал только лет пять назад, в Лондонском Королевском колледже, и обнаружил, что мне это интересно. Мастер-классы, участие в жюри – составляющие профессии педагога, поэтому я начал заниматься и этим тоже.

А как Вы преподаете – как Вас когда-то учили в Московской консерватории, или уже с учетом накопленного с тех пор зарубежного опыта?

Ну конечно, при всем желании от этого опыта уже никуда не денешься. Однако это не значит, что обо мне нельзя говорить, как о русском педагоге. Наша манера преподавания все же очень отличается – и по темпераменту, и по отношению. В моем классе есть и китайцы, и японцы, и русские. Меньше всего англичан.

По количеству на Женевском конкурсе, как и на многих других, засилье азиатов. А по качеству?

Да, это вопрос. Очень много пианистов из Кореи, Китая, Японии. Но во многом это заслуженно – эти люди невероятно работоспособны, они как губка впитывают музыкальную культуру и часто показывают прекрасные результаты.

В финал прошли три кандидата – француз, японка и «наш» Михаил Споров. Если, конечно, считать его нашим, несмотря на то, что учится он в Базеле. Отражает ли этот результат реальную расстановку сил в музыкальном мире: Азия, Западная Европа и все же Россия?

Получается, что да. В общем, с выбором жюри я согласен, хотя предпочел бы иметь четырех финалистов.

Изначально «наших» было четверо (пятый, из Армении, не приехал). Как Вы оцениваете их уровень на общем фоне?

У каждого участника не совсем равный уровень выступления. Например, на первом туре мне очень понравился Игорь Андреев. А на втором он крайне нехорошо играл сонату Моцарта, и просто нельзя было пропустить его дальше. Очень жаль,

талантливый человек!

Вообще, на этом конкурсе некоторые выступления мне чрезвычайно понравились – например, интерпретация Баха и «Гробницы Куперена» Равеля девочкой из Японии по имени Ая Мацусита (в итоге она заняла третье место – НГ). Не часто во Франции можно услышать такое исполнение Равеля!

Давно говорят о кризисе классической музыки. Мы в Швейцарии этого не замечаем – фестивали и конкурсы множатся каждый год. Как Вы объясните такую неустанную тягу к музыке?

Не могу Вам сказать! Если такая тяга есть, это замечательно. Но я тоже не вижу особого кризиса. Количество концертов, действительно, растет, и его какие-то залы не заполняются, то это объясняется скорее, я думаю, разнообразием предложений и пресыщенностью публики, чем чем-то еще.

Но при таком обилии, ярких имен очень мало.

Есть прекрасные музыканты и в России, и на Западе. Но соглашусь с Вами, что для меня несколько поколений 20 века интереснее нынешних. При всем к ним уважении. И тем не менее Вы настроены оптимистично?

Да. Но оптимизм должен быть основан на реальных достижениях, которые хочется услышать. А это удается не всегда.

Большое Вам спасибо и успехов!

[Женевский конкурс](#)

Source URL: <http://nashagazeta.ch/node/14479>